

Вырезка из газеты

МОСКОВСКИЙ
КОМСОМОЛЕЦ

г. Москва

13 ДЕК 1983

Мы не слыхали ранее имени Виталия Коротича, следовательно, мы не очень эрудированы. Мы поняли это, рассказав о романе друзьям и знакомым; оказалось — почти всем из них известны произведения Коротича — поэта и журналиста.

Кто это мы? Московская семья, живущая на окраине города, около леса. Рыжая осень, дорожки старого лесопарка, начало учебного года и начало работы после летних отпусков, обычная московская суэта с транспортом и магазинами, телевизор за ужином, обязательная программа «Время», тревожные сообщения о событиях в мире... Все это вместе — тот мир, в котором мы живем, учимся, работаем, пытаемся решать маленькие и большие проблемы в своей семье, неотделимые от бурных событий планеты и страны.

Мы живем дружно: малляр Марианна, программист Дима, садовод Коля и я — мама, кандидат технических наук по скучной железобетонной специальности. Учимся, работаем, сдаем экзамены. Новое веяние — бег — коснусь и нас. Я бегаю по утрам.

Марианна — золотые руки в реставрационном конторе — гордая, пригожая. Вкус в одежде — на гребне волны. Вечно в делах: вяжет, шьет, чистит, моет.

Дима готовит кандидатскую по философии. Недавно в отпуск ездил в Болгарию. И сейчас для него немаловажная забота — отдать долги. Вечером — спортивный костюм, гантели. Утром не добудиться. Любит и превосходно знает эстраду.

Коля — садовод: цветы, череплаха, редкие птицы, радиодетали. С Димой дружны, но не по части эстрады. Чуть свободное время — пластинка Бетховена или Свиридова. Коротича прочитали все.

О чем этот роман? О простых американцах, их привычках, пристрастиях, интересах, о коллегах автора — иностранных журналистах, которые вдруг стали бояться говорить с советским другом по телефону о безработице, которой больна богатейшая Америка. О доброте общения, о языке поэзии, способной растопить сердца. И, наконец, о тех, кто уехал из Союза, живет в США, но сознательно или подсознательно тянется назад.

Коротич покорила нас сначала не своим насыщенным

интересным занятием: проверяют цитаты из американских газет прошлого года, приводимых Коротичем в письмах к подруге. Дима устанавливает — все верно. Не устарело.

Вызывают негодование потоки клеветы на Советский Союз: то сообщают о подводных лодках красных у берегов Америки, то тиснут информацию об этих хитрых кровожадных непонятных русских, которые уже близко, но скоро их обнаружат, найдут и тогда... Американский рядовой читатель про-

Коротич пишет, что нигде он не видел брошенной на пол булочки. Наша семья, воспитанная бабушкой и дедушкой, прошедшими гражданскую и Отечественную войны, приучилась ценить хлеб. Дима, что греха таить, может купить дорожную пластинку у спекулянта, но корки хлеба не выбросит. А Коля, зная, что ему предстоит идти в универсам, перенесет свой поход на послеобеденное время и гордо начальнически заявит нам: «Съедите все, что осталось, отключу холодильник, тогда пойду за продуктами». А игра соседских краснощеких ребят зачерствелой горбушкой в футбол нам просто непонятна. Ведь их бабушка тоже прошла все эти голодные военные и послевоенные годы... Им бы почитать Коротича.

Книги американских писателей мы также читаем. Здесь знаток более других Марианна. И Коля ей с удовольствием вычитывает из Коротича, что в Америке вышла «Официальная книга украинских шуток», где вполне официально заявлено, «закрылась национальная библиотека, потому что единственную книгу сторожа израсходовали на самкрутки». Не такие уж безобидные басни.

Множество встреч, мгновенная броская лепка характеров, бытовые детали (в транспорте, магазинах, на улицах), официальные газетные сведения о США — все это у Коротича добротно и убедительно.

Интересная и очень острая книга.

УТРОМ в нашей московской семье все спешат. Мальчики спорят о том, кто возьмет с собой журнал с публикацией Коротича. Я ухожу первой и вижу, как уже потрепанная книжка «Октябрь» исчезает в модной Марианнинной сумке.

К. ПЕТРОВА.

ОНИ И МЫ

Это — не рецензия на роман В. Коротича. Но все же это своеобразный отклик на роман, мысли, возникшие в обычной московской семье по прочтении в июльском номере журнала «Октябрь» книги «Лицо ненависти».

содержанием, а исключительно доверительной формой письма, формой писем к любимой («Милая моя...»). Так мог бы писать мне мой муж в первые годы замужества с Сахалина или из Мурманска. Так мог писать юной красавице и моднице Марианне ее друг из Запоярья. Так, пожалуй, могли бы написать и Коля с Димой, конечно, не маме, а может быть, и маме. Итак, избранная автором форма писем к любимой нас покорила. Автору хочется поделиться всем, всем, что открывается на чужбине.

Но ведь читаем мы не эпистолярное наследие классика, читаем политический роман. И тут вслед за особой доверительностью стиля вступает доказательство прямо-таки кричащей достоверности. Мальчики у нас современные, с изрядной долей скепсиса. И я застаю их за

глатывает этот постоянный поток фантазии. Но вот маленькое опровержение, оно терзает где-то внутри множества газетных полос. Никаких советских подводных лодок нет. Захочешь да не найдешь этого маленького сообщения.

Но и у американцев есть чувство юмора. И со страниц газет смотрят два динозавра, роющих укрытия в прибрежном песке. Один говорит другому: не стоит, мол, прятаться, найдут и объявят советскими подводными агрегатами.

Коротич пишет о голоде в богатой Америке, о нищенстве в стране высочайшего сервиса, о полной путанице понятий «можно» — «нельзя», о мафии, о равнодушии жителей больших городов друг к другу, о жестокости, о равной ненависти и еще раз... о хлебе.